

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.31857/S023620070009628-7

©2020 С.А. КОЛЕСНИКОВ

ВНАЧАЛЕ — СЛОВА И ЧИСЛА... (О ГУМАНИТАРНОЙ СООТНЕСЕННОСТИ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ И МАТЕМАТИЧЕСКИХ ВЕКТОРОВ ПОЗНАНИЯ)

Колесников Сергей Александрович — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических наук. Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина.
Российская Федерация, 30800 Белгород,
ул. Горького, д. 71.
Электронная почта: skolesnikov2015@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается вопрос соотношения математического и филологического знания: место встречи числа и слова в философско-историческом аспекте, формы их взаимодействия, принципиальные основы математико-филологической коммуникации. Что есть слово в математическом понимании и что есть число в словесном оформлении — ключевая тема, проходящая через все размышления автора. Предпринимается попытка выстроить контуры паратаксиса числа и слова, который позволил бы приблизиться к взаимной результативной герменевтике филологов и математиков. Делается краткий исторический экскурс о взаимоотношениях слова и числа, охватывающий Древний мир, Античность, Средневековье, Возрождение. Особое внимание уделяется XVI столетию, которое, по мнению автора, является переломным моментом в отношениях филологии и математики: в данный период

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00100).

времени во всех научных сферах начинается взрывообразный процесс обращения к новому, возникает неимоверная жажда открытия. Если Средневековье и Возрождение выполнили задачу возвращения паритета между филологией и математикой, преодолев византийское наследие принижения значимости числа, то Новое время повысило статус математики в оппозиции филологии. Отмечаются совпадающие ритмы развития филологии и математики, которые в определенные моменты выходят в знаковый резонанс. Историко-познавательный рубеж, на который в XX веке синхронно вышли число и слово, подготовил качественно иное понимание филолого-математических взаимоотношений, потенциально способных воплотиться в качественно новые открытия.

Ключевые слова: математические и филологические соотношения, слово и число в интеллектуальной истории, филологические основания математики, математика и филология.

Ссылка для цитирования: Колесников С.А. Вначале — слова и числа... (О гуманитарной соотнесенности филологических и математических векторов познания) // Человек. 2020. Т. 31, № 2. С. 76–96. DOI: 10.31857/S023620070009628-7.

Берега познания: математико-филологические локации

Картография человеческого знания «как выражение ориентации на некоторый код, который держит открытыми два противоположных значения» [13, с. 108], определяется в том числе своеобразной бинарно-эпистемологической типологией — филологическим и математическим типами познания. Вопрос о фронтире, разделяющем/соединяющем эти кодовые формы постижения мира, о контурах пограничья сложносопрегаемых вселенных филологии и математики становится одной из острейших проблем современной гуманитаристики.

Звездные небеса над головами математиков и филологов могут блистать по-разному: исчисленное и изреченное обретают редкий дар обоюдного непонимания и подчас взаимного — если способны остаться в рамках отстраняющей вежливости — удивления самим фактом существования оппонента. Вещественность, проявляющаяся в огранке счета, и умозрительность, являющая себя в великолепии слова, оказываются лицом к лицу, дышащими общим гносеологическим воздухом и одновременно друг друга невидящими, смотрящими одна сквозь другую, теряя и теряясь в числовых координатах и вербальных дуновениях.

Но что есть мир за границами числа и что он есть без слова? Морок, «туча без грозы», добытийная «безвидность и пустота»...

С.А. Колесников
Вначале —
слова и числа...
(О гуманитарной
соотнесенности
филологических
и математических
векторов познания)

ранее чем эти количества уменьшаются бесконечно» [20, с. 70]. И опять-таки закружатся в словесно-смысловом лабиринте определения флюксий: «Флюксии, когда приращения флюэнт [переменных] возникают во все большем числе, отличаются сколь угодно мало и сами сколь угодно малы, и если говорить точно, то они пропорциональны возникающим приращениям...» [6, с. 159]. Но вряд ли эту «смутность» (М. Клайн) языка великого Ньютона, его математико-семантическое косноязычие можно считать ошибкой, скорее это признание сложности проблемы взаимовыражения числа и слова, протекающих в нас, сквозь нас...

Тема взаимопротекания (сквозь-текучести) слова и числа просматривается и с другого — филологического — «берега». А.В. Михайлов, «реинкарнируя» Гераклита уже в лингвистическом обличье, отмечает: «Наука о литературе и наука об искусстве имеют дело с принципиально неопределенными сущностями: попытка определить их приводит к подстановке вместо реальностей — фиктивных “объектов”, “величин”. Принципиальная неопределенность таких сущностей есть их принципиальная неопределимость — здесь все течет: текучи “объекты” — тексты, их истолкование, текуч даже сам принцип истолкования. Это гигантское целое, которое изменяется исторически, где действительно все взаимосвязано, где нельзя без вреда для истинности целого вырывать фрагменты целого. Как и саму историю, эту непрерывность потока нельзя остановить, так что исследователь должен считаться не только с тем, что материал его течет, но и с тем, что он буквально утекает у него из-под рук. В основе такой науки — “методологический” парадокс, который никак нельзя сводить к одному методу и к единственному методу» [16, с. 39].

Утекаемость слова становится определяющим маркером для понимания текучести числа: и число, и слово вытекают «за пределы» «слишком» материального. Исчислить нечто уже означает превзойти его, как и выговаривание этого нечто предполагает преодоление материально-доименных рамок. За числом, как и за словом, всегда есть еще что-то, из чего то и другое «сделаны», что-то, ускользающее от них, подтверждающее возможность воспарения над их материалистичностью. Но «взаимопротитая атмосферность» встречи числа и слова тем самым обосновывает право филолога на «местопребывание» в математическом мире: если математик, по определению Ж. Делеза, «располагает системой уже наличных истин, которые он предполагает или претворяет в своей геометризующей деятельности, либо даже системой возможностей новых аксиоматизаций, которые, начиная с их проблем и затруднений, заявляют о себе уже как о возможностях геометрических» [5, с. 23], то и филолог исходит из пред-наличности истины

С.А. Колесников
Вначале —
слова и числа...
(О гуманитарной
соотнесенности
филологических
и математических
векторов познания)

«берег» в лице М.Л. Гаспарова задавался вопросом: «Как эта вездесущая, но вместе с тем неуловимо-летучая среда языковой мысли соотносится с тем, что в конце концов оформляется в объективированный, доступный внешнему наблюдению акт употребления языка?» — и в поиске ответа (уже подобно математику Ньюто́ну) обретал надежду «увидеть в этой текучей среде самоценный предмет наблюдения и изучения» [4, с. 6]. Вытекающий за пределы слова смысл стремился увидеть и Н. Хомский, призывавший заглянуть «за» коммуникативную закрепленность языка: «Язык не считается системой коммуникации в собственном смысле слова. Это система для выражения мыслей, то есть нечто совсем другое. Ее, конечно, можно использовать для коммуникации... Но коммуникация ни в каком подходящем смысле этого термина не является главной функцией языка» [23, с. 42]. С позиции филологии слово как само-развертывание, форма самопознания не сводится только к рационально-материалистической рентабельности коммуникации — так же, как и число не сводимо только к рыночно-экономической оцифровке.

Конечно, текучесть числа и слова может в целом оборачиваться расползанием смыслов, о чем предупреждал еще Платон (в интерпретации Б. Рассела): «...что бы ни находилось в постоянном движении, значения слов должны быть неизменными, во всяком случае временно, поскольку иначе ни одно утверждение не будет определенным и ни одно утверждение не будет более истинным, чем ложным. Должно быть что-то более или менее постоянное, чтобы были возможны рассуждение и знание» [19, с. 120], — а расползание есть признак нарастающей энтропии. Но выяснить степень «более-менее постоянного», антиэнтропийного, представляется возможным в том случае, если рассматривать объекты — в нашем случае слова и числа — с точки зрения метафизического единства, а не разрывающей на «тезис — антитезис» противопоставленности.

Ресурсы, которыми по отдельности обладают число и слово, способны, в условиях органичной взаимосвязи, активироваться в совершенно новых направлениях. Опыт тщательной выверенности смыслов, обретенный в ходе тысячелетней истории математики, может стать продуктивным методологическим руководством для преодоления филологических «размытостей», но и для математики не менее важным является использование ресурсов той же метафористики. Ю.И. Манин в книге со знаковым названием «Математика как метафора» пишет о том, что «математики развили специфическую дискурсивную практику, которую можно назвать “культурой определений”. В этой культуре много усилий вкладывается в уяснение содержания (семантики) основных

С.А. Колесников
Вначале —
слова и числа...
(О гуманитарной
соотнесенности
филологических
и математических
векторов познания)

и ограниченный солипсизм преодолеваются строгостью числа и слова, своеобразной математически понимаемой аскетикой, внесением в числовое миропредставление элементов гуманитаристики, а в гуманитарное поле — алгоритмов числовой упорядоченности.

Паратаксис филологии и математики: взгляд на истоки

XX столетие может считаться временем сближения числа и слова. Однако анализ координат точек пересечения траекторий филологии и математики показывает непростую историю взаимоотношений данных эпистемологических направлений-множеств, способных и к коммуникативности, и к ассоциативности, и к использованию методологии той и другой науки. Вместе с тем в истории познания известны периоды, когда пересечение математики и филологии могло сводиться к пустому множеству. Представляется, что сегодня векторы многовекового развития математики и филологии начинают сближаться, ощущая взаимную потребность в ресурсах этих разных научных дисциплин. Вместе с тем калькирование истории становления математики и филологии показывает, какими тернистыми путями обнаруживала себя онтогенетическая близость речи и счета, вырастающая из общечеловеческого призвания к познанию мира.

Уже на самой ранней стадии цивилизованности формы познания мира демонстрируют «физиологическую» близость счета и речи, основанную на единстве телесного «ресурса». Например, У. Байерс выделял интерсубъективную природу математической мысли, в частности использование двусмысленности, метафоры и парадокса, в математическом мышлении на протяжении всей человеческой истории [см.: 26]. Через собственное тело — первый счет на пальцах и первая артикуляция звуков — человек открывал мир, соединяя число и слово. Появление письменного языка и счетных систем практически совпадают: параллельный переход от звука к букве в метафизической поэзии и от единицы к счетной систематике ведийской цивилизации; увязка 60-ричной системы числения Шумера со сложной морфологией количественных и порядковых числительных, использование в морфемике шумерского языка числительных принципа «нанизывания» предыдущего числа на последующее; аддитивность древнеегипетской нумерации и синергичность иероглифов (похожие процессы происходили и в Древнем Китае), подразумевающие двоякость письменной фиксации чисел — и словами, и цифрами... Упомянутые

С.А. Колесников
Вначале —
слова и числа...
(О гуманитарной
соотнесенности
филологических
и математических
векторов познания)

действительностью (вторая глава XIII книги «Метафизики»), занимает промежуточное положение между вещами и именами.

В целом «математизм» Аристотеля — интереснейшее явление, доказывающее возможность потенциальной связи числа и слова. Прикосновение чисел и слов к явлениям мира и в то же время воспарение их над вещами и идеями нашли отражение в философско-математических и филологических построениях аристотелевских трактатов. Пронизанность бытия числом, отраженная в известной фразе Стагирита «Если в явлениях чувственного мира не находится вовсе математическое, то каким образом возможно, что к ним прилагаются его свойства?» (третья глава книги XIV «Метафизики»), соединяется с пронизанностью бытия словом, отмеченной в «Поэтике»: систематизация речевых средств, букв, имен и пр. [см.: 2, с. 666–670] выстроена по аналогии с числовой категоризацией и демонстрирует интуитивное осознание мыслителем связи числа и слова.

Период трагедий и драм, величия и падения в отношениях числа и слова наступает с возникновением христианской культуры. Раннее христианство обладало своеобразным чувством числа и рассматривало его исключительно через слово. Рассуждения Оригена и Тертуллиана, ставшие отражением тенденции вне(сверх?)математической «безумно-нелепой» [14, с. 63] достоверности, выступили контрастирующим фоном к сюжету окликаний филологии, теперь наполненной христианским пониманием слова, и математики, вбирающей в себя новое понимание достоверности. Диофант Александрийский, крупнейший греческий математик III века н.э., «отец алгебры», продемонстрировал специфическую грань указанных взаимоотношений: его главный математический труд «Арифметика» был посвящен епископу Дионисию Великому, который в свою очередь был автором интересных в филологическом отношении сочинений эпистолярно-богословского жанра, отразивших основные религиозно-литературные тенденции того времени. В свете этого диалога между математиком и богословом знаковым становится приоритет Диофанта в формировании математической символики («грамматики»), ведь именно у последнего впервые появляются буквенные обозначения неизвестной, символы квадрата, куба, знака равенства, произведенные из тех или иных усеченных слов. Слово у Диофанта перетекает в число, тем самым растворяя границу между филологическим и математическим мирами.

Однако сближение математики и филологии имело и неоднозначные последствия. Пророческое предупреждение Платона о расползании смыслов, об энтропийных последствиях безбрежной текучести стало сбываться: научная культура Византии

С.А. Колесников
Вначале —
слова и числа...
(О гуманитарной
соотнесенности
филологических
и математических
векторов познания)

и усеченной в правах) математикой, о чем позволяет говорить хотя бы математико-музыкальный фрагмент другого произведения древнеримского писателя — «Комментарий на “Сновидение” Сципиона», — где излагается в том числе пифагорейская теория связи звука и числа [см.: 10, с. 140–152]. Самоограничения, налагаемые на себя филологией, ее неспособность активировать сегменты пересечения математики и языкознания и, как следствие, чрезмерная перегруженность идеолого-административным ресурсом приводили к «перегреву» и «самовозгоранию» византийской филологии.

Математикам на несколько столетий византийской истории выпала непростая задача сохранить — после пылающих религиозно-политических катаклизмов — математическое наследие, которое в условиях византийской цивилизации оказалось недо востребовавшимся.

Излучины новизны в числах и словах

XVI столетие — переломный момент в отношениях филологии и математики. Их взаимоотношения разворачиваются на фоне совершенно новой планетарной сценографии: начинается эпоха Великих географических открытий. Одна из глубочайших культурных загадок, предвещающих XVI век, — возникновение в общеевропейском масштабе потребности в новизне, реализуемой в напряженно-драматичном поиске новых пространств, новых слов, новых чисел. Феномен интереса к новизне можно определить как культуuroобразующую доминанту целой эпохи. Практически во всех сферах культуры начинается сложно объяснимый с рациональной точки зрения, взрывообразный процесс обращения к новому, возникает неимоверная жажда открытия: в литературе — Данте и Петрарка выявляют новые грани поэтического совершенства; в искусстве — да Винчи, Микеланджело, Рафаэль и Тициан создают новое художественно-визуальное представление о человеке и мире; в науке — Тихо Браге и Парацельс рисуют новую картину мироздания; в нравственно-моральной сфере — Альберти и Мирандола формулируют новую этику и новый способ познания; в мореплавании — Колумб и Магеллан открывают новые пространства и земли...

Новизна также неудержимо манит к себе математику и филологию XVI века. Если Средневековье и Возрождение выполнили задачу возвращения паритета между филологией и математикой, преодолев византийское наследие принижения числа, то эпоха Великих географических открытий стремится ввести математику в статус культуuroопределяющих наук.

С.А. Колесников
Вначале —
слова и числа...
(О гуманитарной
соотнесенности
филологических
и математических
векторов познания)

вместе способны открывать новые миры. Другие приверженцы Виета также последовали паратаксису числа и слова: алгебраист А. Жирар (1595–1632) проявил себя как талантливый переводчик с древнегреческого; У. Отред (1575–1660), изобретатель логарифмической линейки, стал автором ярких религиозных проповедей; Дж. Валлис (1616–1703), обладатель уникальных способностей в умственных действиях с числами, основоположник математического анализа, проявил себя как знаток целого ряда классических языков и классической филологии...

В целом математика XVI века прошла сложный путь погружения в недра числа, открывая вслед за Колумбом и Магелланом новые миры отрицательных и мнимых чисел, дробно-отрицательных показателей, высвечивая глубинную символику алгебраических знаков, расширяя многомерность математических вселенных.

Однако и филология указанного времени двигалась по аналогичной траектории. Погружение в слово уже было задано трансцендентным маршрутом Данте из сумрачного плоскостно-поверхностного «леса» закатно-схоластической филологии к стереоскопическим перспективам² языка. Филология XVI столетия продолжила предпринятое Данте и Петраркой «путешествие за край мира» [22, с. 179], начав свою эпоху великих открытий внутренних «пространств» слова. Как математики этого времени показали заново опыт античной математики (пусть и через призму арабской числовой культуры), так и филология 1500-х годов открыла латинских классиков. Благодаря филолого-археологическим изысканиям П. Веттори (1499–1585), Ф. Робортелли (1516–1567), Э. Роттердамского (ок. 1466–1536), П.С. Абриля (1530–1595) и многих других ученых возрождается дух античного миропредставления, основанный на гармонии между числом и словом. М. Бреславский (ок. 1460–1533) в своих знаменитых Краковских лекциях станет сочетать физико-математические и грамматико-риторические тезисы, а Э. Брирвуд (1565–1613) в «Изысканиях касательно разнообразия языков и верований в основных частях света» — использовать свои незаурядные математические способности, позволяющие соотнести филологию и математику...

Число в филологии XVI века проявило себя и в создании первых тезаурусов. «Тезаурус латинского языка» («*Thesaurus linguae Latinae*») Р. Этьена (1503–1559) можно рассматривать как филологическую вариацию зарождающейся математической теории множеств. Слова латинского и греческого языков (сын А. Этьен

С.А. Колесников
Вначале —
слова и числа...
(О гуманитарной
соотнесенности
филологических
и математических
векторов познания)

² Теория линейной перспективы в эстетико-математических исследованиях П. Тосканелли — одна из ступеней на пути многомерности мировосприятия.

от отягощенности вещественностью. В работах А. де Муавра (1667–1754) и Л. Эйлера (1707–1783) возвращение иррациональным числам права на существование и получение непериодической десятичной дробью права на уход, за горизонт бесконечности, обозначили превращение математики в сверхутилитарную науку с идентичным языковым потенциалом. Введенный в 1799 году П.-С. Лапласом термин «небесная механика» буквально оторвал математику от планетарной привязанности и придал ей галактический статус, обозначив четкие координаты точки разрыва математики с приземленной практичностью. Математика через дифференциал Г. Лейбница и интеграл И. Бернулли получила возможность говорить уже о самом числе, а не только о вещах через число. Число стало не поводом к разговору (как некогда у Пифагора), а самим разговором; у числа возник свой собственный язык. При этом Лейбниц обозначил четкую связь числового видения мира и идейную составляющую бытия: «...существует исчисление более важное, чем выкладки арифметики и геометрии, исчисление, которое связано с анализом идей» [9, с. 344]. Идея и число преодолели разрыв дискретной вещественности, образуя органическое единство, воплощаемое в «законе непрерывности».

Показательно, что уже в XX веке закон непрерывности Г. Лейбница⁴, ставший основанием для дифференциального исчисления, в сопоставительной таблице, представленной А.Ф. Лосевым в его работе «Хаос и структура»⁵, трансформируется в «чистую, неразличимую в себе и абсолютно текучую чувственность» [12, с. 416], что приводит к изменению представлений о вещественности. В упомянутой таблице Лосева даны важнейшие математические понятия XVIII века: дифференциал определен как «спецификум частности, или “видовое различие”, для непрерывно становящихся видов данного родового понятия», а интегрирование — как «нахождение принципа непрерывного становления родовой общности из частных» [там же, с. 414]. В принципиальной соотнесенности математичности и логосности Лосев раскрыл сложнейшую синестезию слова и числа, проявившую себя в метафизическом переливании частного в родовое, вещественного в чувственное...

Волны грандиозного математического «переливания» находят резонанс в филологической сфере: из них рождается знаменитая «Всеобщая и рациональная грамматика Пор-Рояля».

С.А. Колесников
Вначале —
слова и числа...
(О гуманитарной
соотнесенности
филологических
и математических
векторов познания)

⁴ Согласно этому закону, «вещи восходят вверх по степеням совершенства незаметными переходами» [8, с. 417].

⁵ Данный труд — уникальный опыт по переводу с языка математического анализа на язык логики, а точнее логосности.

генеративно-грамматических структур — с другой. Слово и число, войдя плечом к плечу в ликующий и плачущий, грохочущий и шепчущий, беспощадный и милосердный XX век, продолжили не всегда благодарную работу по расширению эпистемологических ресурсов человечества и — главное! — остались рядом, доказав извечно-животрепещущую потребность в соединении возможностей и потенциалов математики и филологии.

Литература

1. *Аверинцев С.С.* Похвальное слово филологии // Юность. 1969. № 1. С. 99–101.
2. *Аристотель.* Соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984.
3. *Веселовский И.Н., Белый Ю.А.* Николай Коперник. М.: Наука, 1974.
4. *Гаспаров Б.М.* Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М.: Нов. лит. обозрение, 1996.
5. *Гуссерль Э.* Начало геометрии: Введение Жака Деррида. М.: Ad Marginem, 1996.
6. *Клайн М.* Математика: Утрата определенности. М.: Мир, 1984.
7. *Колесников С.А.* Автор в жизни и радости... // Человек. 2018. № 5. С. 140–154.
8. *Лейбниц Г. В.* Новые опыты о человеческом разуме. М.; Л: Соцэкгиз, 1936.
9. *Лейбниц Г. В.* Сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984.
10. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики: Итоги тысячелетнего развития: в 2 кн. Кн. 1. М.: Искусство, 1992.
11. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики: Итоги тысячелетнего развития: в 2 кн. Кн. 2. М.: Искусство, 1994.
12. *Лосев А.Ф.* Хаос и структура. М.: Мысль, 1997.
13. *Луман Н.* Истина. Знание. Наука как система. М.: Проект lettera, 2016.
14. *Майоров Г.Г.* Философия как искание Абсолюта: Опыты теоретические и исторические. М.: Едиториал УРСС, 2004.
15. *Манин Ю.И.* Математика как метафора. М.: МЦНМО, 2008.
16. *Михайлов А.В.* Обратный перевод. М.: Языки русской культуры, 2000.
17. *Нелюбин Л.Л., Хухуну Г.Т.* История науки о языке. М.: Флинта: Наука, 2011.
18. *Платон.* Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. (Философское наследие).
19. *Рассел Б.* История западной философии. Ростов н/Д.: Миф, 1998.
20. Собрание трудов академика А.Н. Крылова: [в 12 т.] Т. 7. Ис. Ньютон «Математические начала натуральной философии». М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936.
21. *Сусов И.П.* История языкознания. М.: Восток — Запад, 2006.
22. *Трегер Г.Ю.* Эволюция основных физических идей. Киев: Наукова думка, 1989.
23. *Хомский Н.* О природе и языке. С очерком: Секулярное священство и опасности, которые таит демократия / пер. с англ. П.В. Феденко. М.: URSS, 2005.
24. *Худовеков С.Н.* Ориген и эллинистическое воспитание // Учен. зап. Орлов. гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 6. С. 318–323.
25. *Яковлев В.М.* О порядке чисел-символов (γυα) в мавандуйском варианте «Книги Перемен» // Разум и вера: Межвуз. сб. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1998. С. 119–133.

С.А. Колесников
Вначале —
слова и числа...
(О гуманитарной
соотнесенности
филологических
и математических
векторов познания)

of Knowledge) // *Chelovek*. 2020. Vol. 31, N 2. P. 76–96. DOI: 10.31857/S023620070009628-7.

References

1. Averintsev S.S. *Pokhval'noe slovo filologii* [Laudable Word of Philology]. *Yunost'*. 1969. N 1. P. 99–101.
2. Aristotle. *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 vol.]. Vol. 4. Moscow: Mysl' Publ., 1984.
3. Veselovskii I.N., Belyi Yu.A. *Nikolai Kopernik* [Nicolaus Copernicus]. Moscow: Nauka Publ., 1974.
4. Gasparov B.M. *Yazyk. Pamyat'. Obraz. Lingvistika yazykovogo sushhestvovaniya* [Language. Memory. Image. Linguistics of Linguistic Existence]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 1996.
5. Husserl E. *Nachalo geometrii: Vvedenie Zhaka Derrida* [The Origin of Geometry: An Introduction by Jacques Derrida]. Moscow: Ad Marginem Publ., 1996.
6. Klein M. *Matematika: Utrata opredelyonnosti* [Mathematics: The Loss of Certainty.]. Moscow: Mir Publ., 1984.
7. Kolesnikov S.A. *Avtor v zhizni i radosti...* [The Author in Life and Joy...]. *Chelovek*. 2018. N 5. P. 140–154.
8. Leibniz G.V. *Novye opyty o chelovecheskom razume* [New Essays on Human Understanding]. Moscow; Leningrad: Sotsehgiz Publ., 1936.
9. Leibniz G.V. *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 vol.]. Vol. 4. Moscow: Mysl' Publ., 1984.
10. Losev A.F. *Istoriya antichnoi ehstetiki: Itogi tysyacheletnego razvitiya: v 2 t.* [History of Ancient Aesthetics: Results of Millennial Development: in 2 vol.]. Vol. 1. Moscow: Iskusstvo Publ., 1992.
11. Losev A.F. *Istoriya antichnio ehstetiki: Itogi tysyacheletnego razvitiya: v 2 t.* [History of Ancient Aesthetics: Results of Millennial Development: in 2 vol.]. Vol. 2. Moscow: Iskusstvo Publ., 1994.
12. Losev A.F. *Khaos i struktura* [Chaos and Structure]. Moscow: Mysl' Publ., 1997.
13. Luman N. *Istina. Znanie. Nauka kak sistema* [Truth. Knowledge. Science as a System]. Moscow: Project lettera Publ., 2016.
14. Maiorov G.G. *Filosofiya kak iskanie Absolyuta: Opyty teoreticheskie i istoricheskie* [Philosophy as the Search for the Absolute: Theoretical and Historical Experiments]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2004.
15. Manin Yu.I. *Matematika kak metafora* [Mathematics as a Metaphor]. Moscow: MTSNMO Publ., 2008.
16. Mikhailov A.V. *Obratnyi perevod* [Reverse Translation]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury Publ., 2000.
17. Nelyubin L.L., Khukhuni G.T. *Istoriya nauki o yazyke* [History of the Science of Language]. Moscow: Flinta: Nauka Publ., 2011.
18. Platon. *Sobranie sochinenii: v 4 t.* [Collected Works: in 4 vol.]. Vol. 1. Moscow: Mysl' Publ., 1990. (Filosofskoe nasledie [Philosophical heritage]).
19. Russell B. *Istoriya zapadnoi filosofii* [History of Western Philosophy]. Rostov-on-Don: Mif Publ., 1998.
20. *Sobranie trudov akademika A.N. Krylova: v 12 t.* [Collection of Works of Academician A.N. Krylov: in 12 vol.]. Vol. 7. Is. Newton's "Mathematical Principles of Natural Philosophy". Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1936.

С.А. Колесников
Вначале —
слова и числа...
(О гуманитарной
соотнесенности
филологических
и математических
векторов познания)

